

Когда Юй Шанчжи проснулся вновь, усталость в теле почти прошла. За исключением того, что он по-прежнему ничего не видел, других недомоганий не ощущалось.

Он протянул руку вбок, нащупывая — постель была пуста, сложенное одеяло исчезло. Видимо, Вэнь Ецай не отдыхал здесь, скорее всего, унёс одеяло в другое место.

Юй Шанчжи попытался приподняться, но вдруг почувствовал, как по тыльной стороне ладони пробежалось что-то влажное и живое. От испуга он рефлекторно отдернул руку. Тут же раздались лёгкие шорохи — словно какое-то животное убежало, а следом с улицы донёлся лай собаки.

Юй Шанчжи предположил: неужели Вэнь Ецай оставил в комнате собаку, чтобы она его сторожила?

Не успел он додумать, как за дверью послышался голос Вэнь-эрню:

— Брат Юй, ты проснулся?

Похоже, он угадал. Юй Шанчжи с лёгкой усталостью приложил ладонь ко лбу и откликнулся:

— Да, я уже проснулся.

Но Вэнь-эрню не вошла сразу. Сперва прошло немного времени, и лишь затем она что-то поставила возле кровати. В следующую секунду Юй Шанчжи почувствовал в ладони тёплую, отжатую до сухости ткань.

— Мой брат ушёл с самого утра, — сказала она, — велел, когда ты проснёшься, принести тебе воды умыться и пополоскать рот, а потом позавтракать.

Юй Шанчжи поблагодарил, нащупал край кровати и сел. Полоскал рот тёплой солёной водой из бамбуковой чашки, затем взял полотенце и обтер лицо.

Условия были скромные, но он не был из тех, кто во всём ищет изыск. Всё это время в ушах звучало тяжёлое собачье дыхание, и он не удержался от вопроса:

— Это ваша собака?

Вэнь-эрню сидела на почтительном расстоянии. Всё же Юй Шанчжи — мужчина, а она ещё не выданная замуж девушка, и по правилам следовало бы избегать лишней близости. Но в доме всего несколько человек, и ухаживать за ним могла только она.

К тому же Юй Шанчжи — человек, которого признал её старший брат, его можно считать будущим зятем, потому поговорить с ним о хозяйстве — не страшно.

Она, продолжая почесывать подбородок Эрвана, с улыбкой ответила:

— Верно, это Эрван. А снаружи — Даван. Они с Эрваном братья, охотничьи псы, которых брат вырастил сам. Обычно Даван ходит с братом в горы, а Эрван остаётся дома сторожить.

Эрван, прикрыв глаза от удовольствия, виляя хвостом, издавал лёгкие, довольные звуки.

Юй Шанчжи кивнул, про себя отметив, что раз Вэнь Ецай охотник, держать в доме псов — дело обычное. Судя по тому, как вчера они по команде прогнали шарлатана У, верность у них на завидном уровне, а силы — хоть отбавляй.

— Твой брат с утра ушёл в город? — уточнил он, поняв, что Вэнь Ецай нет дома.

— Угу, — кивнула Вэнь-эрню. — Он пошёл продавать дичь, а заодно и за лекарствами. — Она обернулась и взглянула на солнце, прикинула: — До города в обе стороны — два часа пути, раньше полудня он точно не вернётся.

Затем она взглянула на Юй Шанчжи, в сердце её затаилось тревожное ожидание — лишь бы выписанное этим маленьким лекарем средство действительно помогло. Иначе её брат рискует остаться и без серебра, и без толка. Даже если он жених, то ведь и зять в доме должен быть толковым — а если человек настолько слаб, что и в поле не выйдет, как тогда жить?

Юй Шанчжи, закончив протираться полотенцем, вежливо поблагодарил Вэнь-эрню. Та смущённо фыркнула:

— Вы, учёные люди, всё только и делаете, что благодарите — рот откроете, и сразу «спасибо»...

Нельзя не признать: Юй Шанчжи и правда не похож на местных крестьян, грубых, простых мужиков. Неудивительно, что её брат — человек с завышенными притязаниями — обратил на него внимание.

— Я сейчас принесу тебе еду, — сказала она, уходя. — Эрван, оставайся тут.

Уже выходя, она снова обернулась:

— Даван с Эрваном уже запомнили твой запах, знают, что ты теперь из нашей семьи, тебя они слушаются. Если что понадобится — просто скажи Эрвану, пусть выйдет и позовёт меня.

Юй Шанчжи не видел, где именно сидит собака, но Эрван, словно понимая, сам подошёл и ткнулся холодным влажным носом в его ладонь. Это простое движение вызвало у Юй Шанчжи странное чувство. В прошлой жизни у него не было ни собак, ни кошек. Он был слишком занят — за двадцать с лишним лет прожил плотную, насыщенную жизнь, как у других не выходит и за полвека.

Завести домашнего питомца или влюбиться — подобные "мелочи" не входили в его жизненные планы.

Кто бы мог подумать, что после преждевременной смерти он очнётся в ином мире, да ещё женится на гере — мужчине, способном рожать, став при этом зятем в чужом доме. И вот теперь рядом с ним спокойно дремлет огромная сторожевая собака.

В этот момент Юй Шанчжи впервые отчётливо ощутил, что он действительно переродился. Но всё же что-то внутри оставалось неуловимым, будто подвешенным в воздухе, никак не желающим опуститься на место.

□□**

Завтрак представлял собой чашку каши из разных злаков, сверху аккуратно положили немного солёных овощей. Когда ложка опустилась глубже, Юй Шанчжи почувствовал, как она уткнулась во что-то круглое и гладкое — он сразу понял, что это куриное яйцо.

Из воспоминаний прежнего хозяина тела он уже знал, что нынешняя династия называется Далу. Вот уже много лет в стране не вспыхивало войн, да и природа не баловала катастрофами — можно сказать, времена выдались редкостно мирными и благополучными.

Однако даже в такие годы, для крестьян, живущих с плугом в руках и вечно согбённых над землёй, жизнь была хоть и полегче, но по-прежнему далеко не сладкой. Например, куриное яйцо — это уже деликатес. Не каждая семья могла позволить себе есть их каждый день.

В прошлой жизни Юй Шанчжи рос в богатой и влиятельной семье: какие только деликатесы не пробовал он за свою недолгую, но блистательную юность. А теперь — одно-единственное яйцо в чашке каши вызывало у него совершенно особое чувство.

Он молча доел свою первую трапезу в этом мире, отложил ложку и тихо вздохнул.

Около полудня, когда солнце уже высоко поднялось, Вэнь Ецай, ещё с раннего утра отправившийся в город, уже успел продать кое-что из принесённого. В этот раз он привёз на рынок тщательно отобранные трофеи: охалку пёстрых фазаньих перьев, пять заячьих шкур разного качества и, самое ценное — живого взрослого мунтжака (вид оленя).

Этого зверя он обнаружил, обходя ловушки в горах: бедняга попал в капкан и повредил ногу.

К ране мунтжака Вэнь Ецай приложил травы, и последние два дня зверь жил в заднем дворе дома, питался свежей травой и дикими плодами. Он ждал, пока пройдут свадебные хлопоты, чтобы отвезти добычу в город и продать подороже.

Мунтжак внешне похож на оленя, но таковым не является. Мяса на нём немного: даже взрослый зверь весит всего тридцать-сорок цзиней, а если отбросить кости, останется и вовсе половина. Однако охотиться на мунтжака трудно — зверёк крайне пуглив, поэтому встречается редко. Кроме того, шкура мунтжака подходит для пошива верхней одежды и сапог, и стоит недёшево.

Вся добыча принесла в общей сложности около восемнадцати с половиной лян. Десять фазаньих перьев, сохранивших первозданную форму, были проданы по десять вэней за штуку — сто вэней в сумме. Их купила молодая барышня со служанкой: сказала, что поставит в вазу для украшения, а одну оставит для игры с кошкой.

Пять заячьих шкурок тоже разошлись быстро: две получше ушли по двести пятьдесят вэней, три похуже — по восемьдесят, всего на четыреста девяносто.

Что же касается мунтжака — его забрал один городской ресторан. Там на завтра один знатный господин собирался устроить банкет и как раз нуждался в редкой дичи. Шкура зверя пойдёт в подарок управляющему заведением.

Вэнь Ецай запросил двадцать лян, но после торга согласился на восемнадцать — изначально цену он нарочно завысил, чтобы покупатель мог почувствовать себя победителем в торге.

Корзина за спиной опустела, в кармане приятно оттягивали ладонь тёплые деньги. Вэнь Ецай сразу направился в аптеку.

Городок Лянси, аптека Байцзитан.

Это заведение славилось честными ценами, и Вэнь Ецай заглядывал сюда часто. Как только он переступил порог, за прилавком его приветствовал улыбкой приказчик:

— Брат Вэнь, как обычно? Семь доз лекарства?

Сотрудники Байцзитан относились к Вэнь Ецаю вежливо, и на то было две причины. Во-первых, он был постоянным клиентом, и каждый его визит обходился минимум в два лян. А во-вторых — он был охотником, а хозяин аптеки имел слабость к дичи.

Вэнь Ецай несколько раз продавал управляющему Байцзитана фазанов, однажды — заячьи шкурки, всегда просил меньше, чем на рынке. С тех пор, как только он приходил за лекарствами, либо ему скидывали пару вэней с общей суммы, либо в подарок клали пакетик ягод боярышника — для улучшения пищеварения.

Так как лекарство для Вэнь-санъя нельзя было прерывать, один и тот же рецепт здесь повторяли уже не раз — приказчик мог бы назвать его наизусть. Он уже собирался повернуться и открыть ящик с травами, но тут Вэнь Ецай покачал головой и достал два новых рецепта.

— Пожалуйста, по этим двум рецептам. Как обычно, по семь доз каждого.

Сказав это, он остался стоять у прилавка, больше не проронив ни слова.

На людях он всегда был таков.

Хоть нравы теперь и были свободнее, и никого уже не удивляло, если гер появлялся на улице без сопровождения, всё же одинокий человек в пути легко мог стать предметом пересудов. Поэтому, торгуя дичью или договариваясь о сделках, Вэнь Ецай всегда принимал отстранённый, холодный вид: «не подходи — укушу». С его высоким ростом и ножом на поясе долгое время никто и не пытался с ним заговорить.

Когда-то он даже думал: не заклеить ли родимое пятно, чтобы его не узнавали как гера? Ведь внешне он вовсе не был на них похож. Но потом всё равно встретил в городке несколько знакомых из деревни Селю, а уж туда люди часто ездили торговать. Скрывать правду стало бессмысленно — и он оставил всё как есть.

Аптечные приказчики работали вдвоём: один отбирал травы, другой взвешивал — всё шло чётко и слаженно. Вскоре четырнадцать упаковок были готовы и аккуратно перевязаны по рецептам. Приказчик пересчитал всё на счётах и объявил цену:

— Брат Вэнь, этот рецепт стоит по триста вэней за порцию — всего две ляна и один цянь. А тот — по двести шестьдесят, всего один лян восемь цяней и двадцать вэней. Итого — три ляна девять цяней и двадцать вэней.

Вэнь Ецай поинтересовался, нельзя ли немного сбавить. Приказчик почесал щёку — сказал, что двадцать вэней не скостишь, но в придачу дал ему пакетик с пилюлями из боярышника. Они были слегка подслащены мёдом, обычно их продавали по десять вэней за упаковку — в ней шесть штук.

Вэнь Ецай остался доволен. Он достал мелкое серебро, приказчик отвесил сдачу, и, расплатившись, тот вежливо поблагодарил и ушёл.

Как только он вышел, двое приказчиков сразу же сдвинули головы и зашептались. Хотя они и не были настоящими лекарями, оба неплохо разбирались в лекарствах и по составу поняли, от чего помогает новый рецепт.

— Странно, — сказал один, — этот рецепт будто против яда, да ещё и не простого.

— Ну и что? Может, кого в семье змея в горах укусила, — ответил другой.

Первый подумал — и правда, бывает. И больше говорить не стал.

Через какое-то время из внутреннего двора раздался окрик хозяина лавки.

— Похоже, погода портится, живо выходите — надо убирать травы!

Сразу вслед за этим снаружи налетел резкий ветер.

Порывы ветра громко стучали в калитку, и Даван залаял во всю глотку. Вэнь-эрню, сидя в главной комнате и подшивая подошву, услышала шум и окликнула пса — тот быстро понял, что у ворот никого нет, и послушно замолчал.

Рядом сидел Вэнь-санъя, занятый тем, что скручивал верёвку из соломы. Тело у него было слабое — в других семьях мальчишки в пять-шесть лет уже считаются помощниками, могут выполнять простую работу, а он разве что такую вот мелочь делает. И то, больше половины месяца он проводит в постели.

Скручивание верёвок стало для него привычным делом — Вэнь Ецай часто охотится, а значит, нужно много крепких верёвок, чтобы связывать добычу. Так что сделать запас никогда не лишне.

Когда снаружи стих лай Эрвана, Вэнь-санъя улыбнулся и потрепал по голове того, кто незаметно подкрался к нему в ноги. А вскоре после этого Даван пробежал под навес к дверям главной комнаты, понюхался с братом, заглянул внутрь — всё спокойно — и ушёл обратно, улёгся у ворот.

Прошло ещё немного времени, и Юй Шанчжи проснулся после полуденного сна. Под изумлённые взгляды Вэнь-эрню и Вэнь-санъя он, опираясь на стены, сам вышел из внутренней комнаты в главную.

— Брат Юй, ты чего с кровати встал?! — Вэнь-эрню отложила иголку с ниткой в бамбуковую корзинку, её глаза округлились от испуга. Она боялась, что если с ним что-то случится, когда брат вернётся, ей точно не поздоровится.

— Кроме того, что я ослеп, особых проблем нет. Неприлично всё время лежать в постели, — Юй Шанчжи сделал шаг вперёд, нащупал перед собой пустоту и, немного подумав, добавил: — Простите, у вас дома нет подходящей по длине палки или бамбукового прута? Я бы одолжил — в качестве трости.